

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Повесть временных лет в ранней словацкой историографии

М. Даниш

Для цитирования: Даниш М. *Повесть временных лет* в ранней словацкой историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 3. С. 724–745. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.311>

Статья посвящена рассмотрению ранней словацкой историографии. С конца XVIII и весь XIX в. словацкая историография неоднократно обращалась к древнерусским летописным источникам для осмысления исторической эволюции славян в раннем Средневековье и создания на этом базисе модели исторического прошлого современной словацкой нации. «Повесть временных лет» является ценным источником по древнейшей истории России, Белоруссии, Украины и других славянских народов, по церковной истории и в целом по средневековой истории Европы. С точки зрения словацкой национальной истории здесь содержится подробное описание событий, связанных с приходом вероучителей Константина и Мефодия в Великую Моравию, в контексте их многообразной деятельности, влияния на развитие словацкой письменности и вхождения словаков в великую семью цивилизованных европейских культур с их национально-языковым и христианским содержанием. В контексте формирования словацкой национальной историографии и развития национально-возрожденческих устремлений словаков в XIX столетии «Повесть временных лет» стала важным источником научных аргументов против венгерской исторической науки. Словацкие историки в большинстве своем опирались на фрагменты из «Истории государства Российского» М. Н. Карамзина, но, безусловно, летопись Нестора была также им известна. Они воспринимали ее как наиболее древнюю славяно-русскую летопись и источник информации для обоснования своей национальной автохтонности. В первой половине XX столетия изучением летописи Нестора занимались главным образом двое рус-

Мирошлав Даниш — PhD, проф., Университет им. Яна Амоса Коменского в Братиславе, Словакия, 81499, Братислава, ул. Гондова, 2; <https://orcid.org/0000-0003-4090-5579>, miroslav.danis@uniba.sk

Miroslav Daniš — PhD, Professor, Comenius University Bratislava, 2, Gondova, Bratislava, 81499, Slovakia; <https://orcid.org/0000-0003-4090-5579>, miroslav.danis@uniba.sk

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ских ученых-эмигрантов, работавших в Словакии: лингвист В. А. Погорелов и историк Е. Ю. Перфецкий. Послевоенная и современная словацкая наука (прежде всего история и лингвистика) обращается к проблематике русского летописания и летописи Нестора главным образом в связи с трактовкой древнейшей славянской и словацкой истории и литературы.

Ключевые слова: Нестор, «Повесть временных лет», словацкая историография, славянская взаимность, национальное возрождение, XIX столетие.

The Chronicle of Nestor in the Early Slovak Historiography

M. Daniš

For citation: Daniš M. The Chronicle of Nestor in the Early Slovak Historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 3, pp. 724–745.
<https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.311> (In Russian)

The study deals with the early Slovak historiography which referred to the Russian chronicles as one of the sources to understand the development of the early Slavic history. This chronicle also contributed to the creation of the historical concept of the modern Slovak nation at the end of the 18th century and in the 19th century. The chronicle of Nestor is a valuable source of knowledge and information for the earliest history of Russia, Belarus, Ukraine; for the history of the Slavs; ecclesiastical history; and medieval European history in general. As far as the national history of the Slovaks is concerned, this chronicle is perhaps the most detailed description of the events with regards to the arrival of the saints Constantine and Methodius in Great Moravia. It details their prolific activity, their influence on the development of the Slovak literature and the integration of Great Moravian Slavs into the family of civilized European cultures with their national, linguistic, and Christian core. In the context of the emergence of the Slovak historiography and during the period of the national revival of the Slovaks in the 19th century, the chronicle of Nestor became an important source of scholarly arguments against the Hungarian historical scholarship in particular. In the first half of the 20th century, the study of Nestor's chronicle was primarily the work of two Russian scholars-emigrants, working in Slovakia — the linguist V. Pogorelov and historian E. Perfetski. Post-war and contemporary Slovak science (especially history and linguistics) approaches the issue of Russian chronicles and the chronicle of Nestor mainly in the context of the interpretation of the old Slavic and Slovak history and literature.

Keywords: Nestor, chronicle of Nestor, Slovak historiography, Slavic reciprocity, national revival, 19th century.

Ранняя словацкая историография XVIII–XIX вв. использовала древнерусские летописи как один из источников для осмысления сюжетов раннеславянской истории и создания в конце XVIII — XIX в. современной исторической концепции формирования словацкой нации. Вопрос об отношении словаков к иным славянам, как и вопрос о месте и роли славянской идеи в национальной жизни словаков, являлся одним из ключевых составляющих развития словацкой нации и конституирования ее национальной идентичности. С конца XVIII в. история, происхождение, вопрос авторства и анализ содержания «Повести временных лет» попадают в исследовательское поле формирующейся исторической науки. Этот источник представляет огромную ценность для изучения древней истории России, Белоруссии, Украины, истории славян, церковной истории и в целом истории всей средневековой Евро-

пы. Для национальной словацкой истории значимо прежде всего то, что в «Повести временных лет» зафиксировано наиболее подробное описание событий, связанных с деятельностью на территории Великой Моравии проповедников Константина и Мефодия. Эта деятельность оказала определяющее влияние на развитие славянской письменности и способствовала включению славян в семью цивилизованных европейских культур, сформировавшихся на религиозном фундаменте христианства. Сообщения Несторовой летописи о происхождении славян и их древней истории стали источником вдохновения для представителей и популяризаторов словацких национально-возрожденческих устремлений в XIX столетии, поскольку в источнике территория современной Словакии указывалась среди мест изначального расселения славян, что доказывало гипотезу об их автохтонности. Вероятнее всего, автор «Повести временных лет» знал и паннонские легенды о Константине и Мефодии. А. А. Шахматов уже в начале XX в. сформулировал тезис, что в этой древнерусской летописи вставлены великоморавские «паннонские» пассажи, известные в историографии под условными названиями «Повесть о переводе книг [Священного Писания] на славянский язык» и «Повесть о расселении славян на Дунае и нашествии Угров», которые имеют западнославянское происхождение, связанное с кирилло-мефодиевской традицией¹. Данный тезис не раз становился предметом изучения в словацкой историографии².

Посредством летописи Нестора в течение всего Средневековья сохранялась историческая традиция осознания славянами своей языковой общности и общей истории на древней прародине. Именно здесь мы первый раз встречаемся с источниковой традицией рассказа о приходе древних мадьяр (угров) в «словенскую землю», которая позже была названа Угорской землей. Великоморавское или болгарское происхождение может иметь и содержащаяся в летописи так называемая «Речь философа», которая, как отдельное выступление греческого философа перед лицом князя Владимира, приводится в рассказе о принятии христианства на Руси в 988 г. В ней философ произносит апологию византийской версии христианства, сравнивая его с другими вероучениями (западное христианство, иудаизм, ислам). Ее содержание в реальности вполне могло прозвучать из уст Константина-Кирилла перед хазарским или моравским правителем (в 860 или 863 г.), а киевский летописец мог почерпнуть ее текст из имевшихся в его распоряжении более древних источников³.

«Повесть временных лет» является не только хроникой и рассказом о древней истории славян и началах русской истории, но и выдающимся средневековым литературным произведением. Сдержанные перечисления фактов в ней чередуются с рассказами о деятелях и событиях. В ней же сочетаются литературные и нелитературные жанры: легенды, документы, хронологические записи по годам и исторические сюжеты. Некоторые из них представлены в форме диалогов, действующими

¹ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 4. М.; Л., 1940. С. 9–150.

² См., например: Avenárius A. Zčiatky Slovanov na strednom Dunaji: autochtonistická teória vo svetle súčasného bádania // Historický časopis. 1992. Roč. 40. Č. 1. S. 1–17; Verešová N. Povest' vremennykh let a jej koncepcia Slovenskej zeme // Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. Historia nova. 2011. Roč. II. Č. 1. S. 13. URL: http://www.fphil.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/ksd/HinoII-2011-1c.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

³ Těra M. Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský. Nejstarší staroruská kronika. Červený Kostelec, 2015. S. 28–29.

лицами которых выступают не только реальные исторические личности, но и ангелы, бесы, а также сам Бог. Летописец описывает те или иные истории, решая, кто и когда выйдет на сцену его литературного исторического действия. Летопись составлена не как случайный набор сведений о конкретной исторической эпохе. На фоне текста прослеживаются содержательные и идейные устремления летописца: включить славянскую историю в контекст всемирной, сформулировать важность объединяющей идеи патриотизма, основанного на принципах христианской любви, братства и смирения⁴.

Вопрос о временной и пространственной атрибуции возникновения «Повести временных лет», а также о ее авторстве до сих пор остается не до конца определенным и дискуссионным, но все же почти 300-летняя история ее изучения русскими и зарубежными историками основывается на определенном консенсусе по отношению к ключевым принципам рассмотрения данной проблематики. Независимо от того, был ли автором древнейшего летописного свода монах Киево-Печерской лавры Нестор, или произведение было составлено на основании летописных записей разных авторов игуменом Выдубицкого монастыря Св. Михаила в Киеве монахом Сильвестром, в последующих списках этим двум монахам однозначно приписывается авторство летописи.

Сам язык источника свидетельствует о том, что «Повесть временных лет» не является оригинальным произведением одного летописца. Это, однако, не исключает того, что она могла быть составлена одним автором. В «Повести» тексты религиозной стилистики соседствуют со светскими формами подачи материала, строгие краткие записи о событиях — с народным эпосом и разными анекдотическими вставками. И все же записи событий со времени конца правления князя Ярослава Мудрого (1018–1054 гг.) становятся все более строгими, ясно показывая читателю, что летописец начал фиксировать многие из них, основываясь на рассказах очевидцев или же на своем собственном опыте. Большинство авторитетных исследователей соглашались с мнением, что «Повесть временных лет» создавалась в несколько этапов, и первые сведения, вошедшие в ее текст, были записаны, вероятнее всего, уже в X столетии⁵.

Научное изучение древнерусских летописей началось в России в XVIII в. одновременно с рождением русской исторической науки. Специфика историографии данного периода состояла в наличии двух исследовательских линий, представленных зарубежными, главным образом немецкими, учеными и формирующейся непосредственно русской исторической школой. На их полюсах стояли такие величины, как немецкие историки на службе Петербургской академии наук Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер, так и русские историки М. В. Ломоносов, и В. Н. Татищев⁶. Несмотря на различные интерпретации «Повести временных лет», все они соглашались с ее ключевой ролью для познания русской истории, приравнивая этот источник

⁴ Daniš M. Nestorov letopis a jeho miesto v slovenskej historiografii // Slovensko a Rusko v zlomových okamihoch dejín: ľudia, idey, udalosti. Bratislava, 2020. С. 10–30.

⁵ См., например: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Аleshковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Никитин А. Л. Инок Иларион и начало русского летописания: Исследование и тексты. М., 2003; Толочко П. П. Русские летописи и летописцы IX–XIII вв. СПб., 2003; Лихачев Д. С., Творогов О. В. Повесть временных лет. Перевод, комментарии. СПб., 2012.

⁶ Daniš M. Nestorov letopis a jeho miesto v slovenskej historiografii. S. 12.

к шедеврам европейской средневековой письменности. Начиная с XIX в. интерес к «Повести временных лет» становится постоянным со стороны как российской, так и европейской историографии, затронув практически каждого историка, который занимался и занимается изучением истории Руси, славян, Восточной Европы и всего международного контекста европейского Средневековья.

«Повесть временных лет» уже начиная с XVIII в. переводилась на многие языки и публиковалась в разных странах. Знаменитый А. Л. Шлёцер в начале XIX в. изучал и публиковал «Повесть временных лет»⁷. Латинский перевод Лаврентьевского списка «Повести временных лет», дополненный научно-справочным аппаратом, издал в 1860 г. словенский историк Ф. Миклошич⁸. Самый первый перевод на польский язык, произведенный А. Белевским, вышел в 1864 г. в документальной серии «Monumenta Polonae historica». «Повесть временных лет» была издана также на французском и венгерском языках⁹. В 1867 г. был опубликован ее перевод на чешский язык, выполненный Карлом Яромиром Эрбеном (вышло три издания)¹⁰. В 2014 г. вышел новый перевод Ипатьевского списка летописи Нестора с комментариями и обширной вводной статьей чешского историка Михала Теры¹¹. Один из первых словацких переводов отрывка из «Повести временных лет» (фрагмент о правлении княгини Ольги и князя Святослава) вышел в 1865 г. в издаваемом в Скалицах журнале «Сокол»¹². Его автором был Виллиам Паулини-Тот. Отрывки из «Повести», касающиеся проблематики дунайских славян или прихода мадьяр в Карпатскую котловину, не раз публиковались в изданиях источников по словацкой истории¹³. Вкладом современной словацкой историографии в традицию публикации «Повести временных лет» стал ее комментированный перевод, осуществленный М. Данишем и вышедший в издательстве «Словенски списоватељ» в 2018 г.¹⁴

Первые обращения словацкой исторической науки к «Повести временных лет» относятся еще к начальному периоду словацкого национального возрождения, то есть к 1780-м гг. При этом интерес местных ученых к вопросам этногенеза иллирийских и паннонских славян, их автохтонности в Паннонии, истории славян перед нашествием гуннов или во времена Великой Моравии проявляется уже в трудах XVII в. Однако в соответствии с уровнем развития исторической науки своего времени эти авторы опирались на источниковую базу античного, западноевропейского и поздневизантийского происхождения¹⁵.

⁷ Schlözer A. L. Несторъ. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreibfehlern und interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer, Hofrath und Professor der Statswissenschaften in Göttingen: bei Heinrich Dieterich, 1802–1805. Teile 1–4.

⁸ Miklosich F. Chronica Nestoris. Viedeň, 1860.

⁹ Leger L. Chronique dite de Nestor. Paris, 1884; Hodinka A. Az orosz évkonyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916.

¹⁰ Nestorův letopis ruský / preklad K. J. Erben. Praha, 1954.

¹¹ Tera M. Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský.

¹² Sokol. Časopis pre zábavu a poučenie. Roč. IV. Skalica 1865. Č. 2. S. 22; Č. 3. S. 42.

¹³ Pramene k dejinám Slovenska a Slovákom I. Bratislava, 1998; Pramene k dejinám Slovenska a Slovákom II. Slovensko očami cudzincov. Bratislava, 1999; Ratkoš P. Pramene k dejinám Veľkej Moravy. Bratislava, 1968.

¹⁴ Nestorov letopis. Poveš' o dávnych časoch na ruskej zemi / preklad M. Daniš. Bratislava, 2018.

¹⁵ Tibenský J. Charakteristika kvantitatívneho a kvalitatívneho rastu pramennej bázy v dielach reprezentantov barokového slavizmu na Slovensku // Aktuálne problémy dejín slavistiky. Bratislava, 1986. S. 180–186.

Словацкие национально-ориентированные устремления первой половины XVIII в. отразились ряде публикаций. Их авторы (например, Ян Балтазар Магин и Матей Бел) опирались главным образом на культурное наследие великоморавской и кирилло-мефодиевской традиций, приводя исторические и идеологические конструкты, представляющие позиции древности и автохтонности словаков. Один из наиболее значительных авторов начала XVIII в. Матей Бел первым в словацкой историографии установил тесные контакты с учеными Петербургской академии наук, что позволило ему интенсивно заниматься изучением исторических контекстов Центральной и Восточной Европы с древнейших времен. Переписка петербургских академиков Т. С. Байера, Х. Гольдбаха и И. Г. Гмелина с М. Белом является ценным источником для изучения отношений между российской и словацкой наукой первой половины XVIII в. История этих интеллектуальных контактов имеет обширную историографию¹⁶. В дальнейшем многие представители словацкого Просвещения также проявляли интерес к сотрудничеству с российской наукой и особенно с ее представителями из Академии наук в Санкт-Петербурге¹⁷. Словацким ученым XVIII в. были хорошо известны труды таких замечательных русских ученых, как М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, П. С. Паллас, И. Г. Гмелин, Ф. Прокопович, Л. Баранович и др. Словацкий историк Юрай Прай в своем труде по ранней истории Венгерского королевства, выпущенном в 1774 г., широко использует работы, местами дословно приводя цитаты из трудов М. В. Ломоносова¹⁸. В поэме, посвященной присоединению Крыма к России, Прай также делает на каждой странице многочисленные сноски на исторические работы Ломоносова и М. М. Щербатова и фактически излагает историю Российского государства с древнейших времен¹⁹.

Первыми словацкими учеными, которые уже в конце XVIII в. стали ключевыми фигурами словацкой исторической славистики и в своих трудах, посвященных происхождению и значению славян в европейской истории, обращались к «Повести временных лет», были Адам Франтишек Коллар, Юрай Скленар и Юрай Папанек. Подобно своим предшественникам они подчеркивали принадлежность словаков к единому славянскому народу, особенности которого они переняли, но в дальнейшем сами стали выделяться своей спецификой среди разделившихся славянских племен. С 1770-х гг. под влиянием хроники Нестора и произведения А. Л. Шлецера о происхождении славян у словацкой интеллигенции закрепляется мнение о том, что прародина славян находится между Дунаем и Татрами. Помимо работ Шлецера и его немецкого перевода «Повести временных лет», они опирались на работы еще одного немецкого историка, служившего в Петербургской академии наук, —

¹⁶ На материалы, касающиеся переписки М. Бела с петербургскими академиками, обратил внимание Е. С. Кулябко. См.: Кулябко Е. С. К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке // Русская литература XVIII века и другие славянские литературы. М., Л., 1963. С. 168–171. — Почти одновременно с этим первую часть петербургской корреспонденции издал Й. Вавра (*Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I // Historické štúdie. Roč. VIII. Bratislava, 1963. S. 199–240*). Продолжением стала публикация: *Vávra J. Dopisy Matěja Bela petrohradským akademikům II // Historické štúdie. Roč. XII. Bratislava, 1967. S. 211–224*.

¹⁷ Даниш М. Из истории словацко-русских связей в XVIII веке // Запад-Восток. 2017. Т. 10. С. 20–47.

¹⁸ Pray G. Dissertationes historicocriticae anannales veteres Hunnorum et Hungarorum. Vindobonae, 1774. S. 69–82.

¹⁹ См.: Pray G. Taurica juri Russico a Catarina II. autocrate belo et pace asserta poemation. Pestini, 1787.

Г. Ф. Миллера, а также на труды В. Н. Татищева и фрагменты «Истории государства российского» Н. М. Карамзина. «Повесть временных лет» также была известна им в немецком переводе Ж. Б. Шерера, изданном в 1773 г.²⁰ Все эти публикации они рассматривали как источник сведений, необходимых для осмысления истории древних славян и национальной автохтонности словаков.

В 1780-х гг. Адам Франтишек Коллар, сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор, становится одним из основоположников современного изучения славянских древностей (*antiquitates Slavorum*). Если Матей Бел стоял у истоков словацко-русских научных связей, то Адам Франтишек Коллар поднял эти научные контакты до уровня сотрудничества в области славистики. Это произошло в эпоху зарождения национального движения, когда те славянские народы, которые не имели собственной национальной государственности, начали опираться на идею родства славянских народов как великого наднационального образования.

В Вене А. Ф. Коллар находился под влиянием местных просветителей, прежде всего своего покровителя Г. Ван Свитена, который в это время был директором придворной библиотеки и личным врачом Марии Терезии²¹. Просветительский дух, охвативший А. Ф. Коллара, повлиял на всю его научную и политическую деятельность. Скорее всего, под влиянием Герарда ван Свитена, члена Петербургской академии наук, а также вследствие своего интереса к восточным языкам и истории он обратил свое внимание и на Россию. В 1762 г. А. Ф. Коллар направил через австрийского дипломата в Петербург письмо, в котором высказал интерес к установлению научных контактов с российским ученым миром²². Письмо было разделено на шесть пунктов-вопросов. В первом пункте он просил рекомендовать ему кого-либо из российских ученых в Петербурге или Москве, с кем он мог бы вести научные дискуссии. В следующих пунктах он просил у своего русского коллеги русский словарь (русско-латинский, русско-немецкий или русско-греческий), интересовался русскими работами по истории, прежде всего русскими летописями, спрашивал о работах историка Г. З. Байера и главным образом его перепиской с Матеем Белом о происхождении мадьяр, просил послать ему образцы языка монголов, татар и других народов, живущих вблизи китайских границ, и, наконец, высказал желание разыскать источники по венгерской истории, прежде всего в Польше.

Сохранился черновик ответа Коллару от историка Г. Ф. Миллера²³, который приветствовал его предложение консультироваться по вопросам, касающимся российской истории, составной частью которой он считал также историю гуннов, аваров и венгров. О летописи Нестора он упомянул в том смысле, что она еще не была издана. По просьбе Коллара он разыскал в архиве наследие Байера, где нашел

²⁰ *Tibenský J.* Slovenské korene Šafárikovho slavizmu // Pavol Jozef Šafárik a Slovenské národné obrodenie. Martin, 1989. S. 27.

²¹ *Tibenský J., Bokesová-Uherová M.* Priekopníci slovenskej kultúry. Bratislava, 1975. S. 59. — Герхард ван Свитен (1700–1772) — голландский медик, которого в 1745 г. Мария Терезия пригласила в качестве личного врача и профессора Венского университета. Являлся членом Петербургской академии наук с 1754 г., где опубликовал несколько работ, например «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях» в переводе М. Тереховского (1778 г.). В архиве Российской академии наук сохранилось извещение баронессы ван Свитен в Петербургскую академию наук от 1772 г. о смерти Г. ван Свитена.

²² *Vávra J.* Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I. S. 236–240.

²³ *Ibid.* S. 239–240.

шесть писем его взаимной корреспонденции с М. Белом. Что касается лингвистических работ, то он отослал Коллара к работам Байера в «*Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*»²⁴.

В 1767 г. А. Ф. Коллар написал поэму в честь российской государыни Екатерины II «Обращение к реке Волге». Латинский текст оригинала не сохранился, но нам известен его русский перевод, который опубликовал Н. И. Новиков в своем сатирическом журнале «Живописец»²⁵.

Важным фактом, который одновременно является свидетельством ориентации Коллара на Россию, является его попытка организовать научную жизнь в Словакии²⁶. Он был одним из авторов проекта по основанию ученого общества или академии в Братиславе²⁷. Этот проект в 1771 г. он анонимно представил Марии Терезии. Ученое общество должно было называться «*Academia Augusta*» и строиться по образцу европейских ученых обществ, прежде всего Петербургской академии наук, которая по своей структуре наиболее соответствовала венгерским реалиям и потребностям. Проект основания академии в тех условиях был весьма сложным и дорогим и, вероятно, поэтому в результате позиции венских официальных кругов не был реализован²⁸.

Следующим примером интереса Коллара к русской истории является его труд об угорских народах в России, который он в духе просвещенного абсолютизма и при поддержке Марии Терезии написал в 1772 г.²⁹ В этой работе Коллар обосновывает правомерность претензий венгерского государя на территорию Малороссии и Подолии.

Видимо, самым важным свидетельством духа и научных устремлений Коллара является его библиотека, каталог которой вышел в 1783 г. На 290 страницах списка среди 1310 названий книг мы находим произведения научные, прежде всего исторические, всех славянских народов — чешские, хорватские, польские. Но больше всего в ней русских книг. Среди них политические труды, описания путешествий, лингвистические работы, исторические труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова,

²⁴ *Bayeri T.S. De Origine et prisces Scytharum // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1728. Vol. 1. P. 387–399.*

²⁵ *Коллар А. Ф. Обращение к реке Волге // Живописец. 1772. Ч. II. С. 4.*

²⁶ Организация научной жизни была составной частью школьных реформ, введенных в 1777 г. под названием «*Ratio educationis*». Реформы касались народных школ, гимназий, университетов и академий. Определенным косвенным источником, раскрывающим научные связи А. Ф. Коллара с Россией, является письмо Йозефа II русской императрице Екатерине II. В нем говорится о том, как школьные реформы, в подготовке которых участвовал А. Ф. Коллар, применялись в России. Йозеф II писал: «Мадам, сестра моя, через князя де Кобенца вы сообщили мне, что желаете иметь в Петербурге человека, который был бы способен основать школу и обучать по методике нормальных школ и который бы исповедовал греческую веру. Тот, кто имеет честь передать Вашему Величеству это письмо, является директором моих илирийских школ, по имени Янкович (Теодор фон Янкович — императорский директор школ в темешварском Банате. — М. Д.), которого я выбрал. Я избрал его потому, что он человек не только способный и опытный, но и отлично знающий этот (русский. — М. Д.) язык...» См.: *Arneht A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland. Wien, 1869. S. 141–142.*

²⁷ *Tibenský J. Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburgskej ríši a na Slovensku v 18. storočí // Maximilián Hell 1720–1792. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella. Bratislava, 1970. S. 11–12.*

²⁸ *Ibid. S. 12–13.*

²⁹ Речь идет о труде: *Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam Bohemiaeque in Oswicensesm et Zatoriensem ducatus praevia explicatio / ed. by J. Benczur. Vindobonae, 1772.*

Н. И. Новикова, А. П. Сумарокова, затем научные труды иностранных членов Петербургской академии наук³⁰. Среди российских историков больше всего Коллар ценил А. Л. Шлецера³¹.

Интерес к России был присущ Коллару в течение всей его жизни. Он попытался завязать контакты с русскими учеными, чтобы лучше изучить русскую историю, русский язык, русские исторические труды. Так же как и М. Бела, его интересовал вопрос происхождения мадьяр, который должен был ему помочь в объяснении вопроса о происхождении славян, об их праве на свою территорию в Центральной Европе.

Говоря о словацкой историографии первого периода словацкого национального возрождения (1780–1830-е гг.), следует принимать во внимание, что на этом этапе определился профиль словацкого возрожденческого историзма. В это время уже наметились ключевые тематические направления словацкой историографии, легшие в основу ее развития на протяжении всего XIX столетия, вплоть до 1918 г. Главными ее темами стали: этногенез славян и словаков с акцентированием подлинности их историчности и автохтонности на землях Венгерского королевства; история Великоморавской державы; значительный вклад словаков в развитие венгерского государства и его защиту; культурное влияние словацкого языка на венгерский; а также история чешско-словацких отношений³².

Еще на заре словацкого национального возрождения, в 1780 г., католический священник Юрай Папанек издал на латинском языке собственно первую историю словаков «*História gentis Slavae, De regno regibusque Slavorum*». Наряду с традиционными мотивами барочного историзма, который был характерен для произведений словацких интеллектуалов в XVII — первой половине XVIII в., основополагающими элементами концепции в «Истории словацкого народа» Папанека стали кирилло-мефодиевская и великоморавская традиции. Труд Ю. Папанека является наиболее значимым произведением словацкой историографии периода Просвещения. Концептуально он развился из довольно широкой и туманной идеи славянского народа, которая теперь однозначно трактовалась как история словаков. Ее полемический и апологетический характер происходил из теории автохтонности словаков в Венгрии. Папанек придерживался мнения о том, что земли Словакии являлись колыбелью всего славянства, а словацкий язык сохранил наибольшую близость к старославянскому языку³³. В своей аргументации историк не раз опирался и на саму древнерусскую летопись. Вместе с тем заметим, что взгляды Папанека на происхождение славян были заимствованы у моравского историка Иоганна Кристофа фон Йордана, издавшего в 1745 г. работу «О происхождении славян» («*De originibus Slavicis*»). Он перенимает его мнение о среднем течении Дуная как области прародины славян³⁴. Этот тезис Папанек подкрепляет и аргументами из произведения

³⁰ *Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Priekopníci slovenskej literatúry. S. 68.*

³¹ Подробнее об этом см.: *Даниш М. Из истории словацко-российских связей в XVIII веке. С. 27–28.*

³² *Tibenský J. Slovenská historigrafia v období počiatkov slovenského národného obrodenia (1780–1830) // Historický časopis. 1980. R. 28. Č. 4. S. 533.*

³³ *Tibenský J. Ideológia slovenskej feudálnej národnosti pred národným obrozením // Slováci a ich národný vývoj. Bratislava, 1966. S. 110.*

³⁴ *Tibenský J., Papánek J. — J. Sklenár. Obráncovia slovenskej národnosti v XVIII. storočí. Martin, 1958. S. 72.*

австрийского дипломата С. Герберштейна («Comentarii de rebus Moscovitarum»), который, воспроизводя информацию из «Повести временных лет», также говорит о Среднедунайской низменности как о месте происхождения славян.

К летописи Нестора обращался и Юрай Склена³⁵, служивший профессором в братиславской католической гимназии. Говоря о Святополке в своем самом известном произведении «Древнейшее расположение Великой Моравии и первое нашествие венгров на нее» («Vetustissimus Magnae Moraviae situ set primus in eam Hungarorum ingressus et incursus...», Posoniensia, 1784), помимо иных источников, он опирался и на «Повесть временных лет»³⁶. В своей аргументации Склена³⁵ уделял особое внимание вопросу политического равноправия словаков в Венгерском государстве. Практически в самом начале своего труда он указывает, что создает новую систему, касающуюся исторической модели прихода мадьяр в Паннонию, где в центре будет находиться история Великой Моравии. По мнению Склена³⁵, Великая Моравия возникает не в долине словацкой реки Моравы, а относится к течению сербской Моравы, где он пытается найти вторые Нитру и Дефин. Именно с Балкан расширялась власть великоморавских князей во всех направлениях, особенно значимым из которых во время правления Святополка стало северное. Этот правитель военным путем подчинил себе старую Дакию, Паннонию, землю и население нынешней Словакии, а потом установил власть над Моравией и Чехией.

Ко времени появления трудов Юрая Папанека и Юрая Склена³⁵ относится и малоизвестная в словацкой историографии статья Антона Коха «О некоторых древних названиях славенского народа», вышедшая в 1785 г., где автор предпринял оригинальную попытку объяснения этногенеза словаков. Это произведение вышло в Российской империи в петербургском журнале «Растущий виноград», став, вероятно, первой научной публикацией о словаках в российской интеллектуальной среде³⁷. В своей статье «О некоторых старых именовании славян» И. Кох дал, по всей видимости, самую первую интерпретацию истории возникновения словаков для русского читателя. Автор был знаком с трудами древнегреческих, арабских и еврейских авторов, знал несколько европейских и восточных языков. В работе он дискутировал и с одним неназванным им чешским историком. Прародину славян он разместил в Карпато-Дунайском регионе, который во время великого переселения народов не раз пересекался этническими группами, идущими из Северного Причерноморья³⁸.

³⁵ Юрай Склена³⁵ (1744–1790) — латиноязычный словацкий историк. Служил в гимназиях в Левочце, Прешове, Кошицах, Трнаве и Братиславе, где он преподавал также словацкий язык. См.: Slovenský biografický slovník. D. 5. Martin, 1992. S. 272.

³⁶ Pillingová M. Svätoplukovská tradícia u Slovákov v druhej polovici 18. storočia // Svätopluk v európskom písomníctve. štúdie z dejín svätoplukovskej legendy. Bratislava, 2013. S. 394.

³⁷ См.: Кох И. О некоторых древних названиях славенского народа // Растущий виноград. 1785. Июль. С. 75–92; Август. С. 59–71.

³⁸ В своей статье о словаках И. Кох пишет: «Та часть Славенскаго народа, которая по нынѣ въ природномъ отечествѣ своемъ въ Венгріи жительствоуеши, называетъ себя и по днесь Словаками, т. е. Славянами; и языкъ свой Словенскимъ языкомъ: та же часть Славенскаго народа, которая жительствовала въ высокихъ горахъ и лѣсахъ Седмиградской земли, называла себя Деревлянами, т. е. живущими въ лѣсахъ. Латинскіе авторы, или лучше сказать, Готы перепортили сіе имя въ Тервинги (Theruingi). У Иродота называется сія земля гемось, т. е. лѣсъ. По сему и Персамъ извѣстны были сіи Деревляне подъ именемъ Хербетъ, что значитъ человекъ дикаго, живущаго въ лѣсахъ, или лѣснаго человекъ. Отъ сегожь называли ихъ Греки изпорченнымъ симъ Персидскимъ словомъ, Карпы, Кар-

Молодое поколение словацких патриотов во главе с Антоном Бернолаком и Юраем Фандли приветствовало взгляды Ю. Папанека на наследие Великой Моравии. Из идей Ю. Скленера особенно близкой для словацких возрожденцев стала идея об огромной территории Великой Моравии, героических деяниях ее правителей и силе короля Святополка. Великоморавская и кирилло-мефодиевская традиции стали для первого поколения бернолаковцев не только основой «будительского» историзма, но и имманентной частью их национальной концепции словацкой истории³⁹. Деятельность бернолаковцев в конце XVIII в. касалась не только вопроса языковой реформы, но и имела значительный национально-культурный и общественный характер⁴⁰. Их идейной основой стало представление, что прародиной славян была область, находящаяся между Дунаем и Татрами, представляющая территорию нынешней Словакии, исходя из аргументации автора «Повести временных лет».

Значимым представителем словацкого национального возрождения, который в рамках своей концепции славянской взаимности использовал отсылки на «Повесть временных лет», являлся Ян Коллар, который, обращаясь к истории славянских племен и отношений между ними, не раз приводил цитаты из русской истории в своих работах. Он же обратил внимание и на языковедческий потенциал данного исторического источника, комплексно и серьезно занимаясь его изучением⁴¹.

Важным вкладом первого поколения словацких интеллектуалов в формирование концепции возрожденческого историзма в рамках словацкой историографии XIX в. стал консенсус, сформировавшийся вокруг теории прародинности славян между Дунаем и Татрами под влиянием летописца Нестора. Ю. Скленак пользовался летописью в немецком переводе Ж. Б. Шерера, изданном в 1774 г. Однако более известным в Словакии был перевод А. Л. Шлецера, к которому обращались А. Ф. Коллар и другие авторы. Эта теория сыграла роль аргумента не только для обоснования версии кодификации словацкого языка А. Бернолаком, но и для Людовита Штура.

В конце XVIII — первой половине XIX в. словацкая историография в лице Мартина Гатталы, Яна Паларика, Яна Голлы и Павла Йозефа Шафарика при формировании концепции национальной истории стала делать больший акцент на историко-политический подход словацкой научной мысли. В начале XIX в. П. Й. Шафарик значительно обогатил формирующуюся словацкую историографию, придав ей

пиды, а горы ихъ Карпатскими горами, которое названіе даютъ горамъ симъ и нынѣ, но одни ученые, значить же оно ни что иное, какъ Деревлянскія горы. И такъ Венгры или лучше сказать Мадьяры, которые прежь сего жительствоваши на Сѣверной сторонѣ Кавкаскихъ горъ, называютъ землю Седмиградскую весьма справедливо еще и по нынѣ на своемъ языкѣ Ердель (Erdöly) т. е. густой, темной лѣсъ, что съ Иродотомъ сходствуетъ. Отъ сегожь и нынѣшнее имя Латинское Трансилванія. Славянина же или Словака называютъ они Тодъ Емберъ, именемъ производящимъ отъ Персидскаго слова Тудъ, т. е. холмъ, высокая гора, и Венгерскаго слова Емберъ, т. е. челоуѣкъ» (*Кох И.* О некоторых древних названиях славенского народа // *Растущий виноград.* 1785. Июль. С. 76–77).

³⁹ *Tibenský J.* Funkcia cyrilometodskej a veľkomoravskej tradície v ideológii slovenskej národnosti // *Historický časopis.* 1992. R. 40. Č. 5. S. 593.

⁴⁰ *Franková L.* K slovenským národnoobraným snahám v prvej polovici 19. storočia // *Dejiny.* 2012. Roč. 1. S. 141. URL: http://dejiny.unipo.sk/Dejiny_1_2012.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

⁴¹ *Kollár J.* Dodatky k Rozpravám o gmenách a starožitnostech národu slawského // *Časopis musea království českého. V Praze, nákladem Musea království českého.* 1834. Roč. 4. Č. 4. S. 463–469. — На страницах 466, 469 Я. Коллар цитирует историю о трех братьях и сюжет о хождении князя Олега на Константинополь.

общеславянское измерение. Его научные аргументы, затрагивающие помимо исторического материала также области филологии, литературоведения и этнографии, легли в основу концепции словацкой национальной истории.

В начале 1830-х гг. во время пребывания в Нови-Саде П. Й. Шафарик интенсивно изучал филологию и историю литератур славянских народов. Затем фокус его внимания сместился на древнюю историю славян. П. Й. Шафарик обогатил методологический инструментарий исторической славистики, привлекая до той поры не изученные исторические источники⁴². Он был убежден не только в научном, но и политическом значении изучения древней славянской истории. В этом контексте было создано наиболее значимое научное произведение Шафарика «Славянские древности». В этот же период им были написаны работы «О происхождении славян по версии Лоренца Суrowецкого» («Über die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki», 1828 г.) и «Идеи о древности славян в Европе» (1834 г.). В последней работе Шафарик привел ряд важных методологических комментариев, подтверждающих древность истории славян в Европе, которых он рассматривал как отдельное племя в ряду остальных евро-азиатских исторических народов⁴³. Особое внимание Шафарик уделил представлению модели этногенеза славян (включая вопросы этничности и развития языка у отдельных славянских народов), для чего помимо широкого массива данных из трудов античных и западноевропейских историков он использовал сведения и из «Повести временных лет»⁴⁴. Рассматривая этногенез бойков, сербов и хорватов, Шафарик приводил цитаты из этой летописи, которые брал из работ находившихся на службе в России немецких историков Т. Байера и А. Л. Шлецера⁴⁵.

После публикации «Славянских древностей» в 1837–1838 гг. П. Й. Шафарик завоевал авторитет ведущего специалиста в области древнеславянской истории как на родине, так и за рубежом. Об этом свидетельствует целый ряд высоких оценок его труда в рецензиях, а также переводы на разные языки, например на немецкий, польский, русский. Изданием «Славянских древностей» Шафарик, в сущности, завершил свои исторические исследования, вернувшись затем к изучению истории литературы, языкознания и этнографии славянских народов.

В «Славянских древностях» Шафарик неоднократно ссылался на «Повесть временных лет». Географию расселения отдельных восточнославянских племен он очертил на основании анализа данных летописи. Высокая научная ценность концепции происхождения карпато-дунайских славян в построениях Шафарика заключается в том, что в свете признания и многочисленных доказательств древно-

⁴² Комплексное исследование в русской историографии сделано Л. П. Лаптевой. См.: *Лангева Д. П.* П. Й. Шафарик в русской дореволюционной литературе // *Sborník národního musea v Praze. Řada C. Literární historie. Sv. XII. Č. 5.* Praha, 1967. S. 253–337.

⁴³ *Kudláček J. P. J.* Šafárika jeho koncepcia pôvodu Slovanov // *Historický časopis. Roč. 5. Č. 1.* Bratislava, 1957. S. 62.

⁴⁴ *Šafařík P. J.* Myšlenky o starobylosti Slowanů v Evropě // *Časopis musea království českého. Roč. 8. Č. 1.* Praha, 1834. S. 23–57. — Наряду с античными авторами П. Й. Шафарик приводит и информацию из «Повести временных лет» об автохтонности славянского населения на Дунае. См. также: *Šafařík P. J.*: 1) *O národech kmene skythického* // *Časopis musea království českého. Roč. 9. Č. 1.* Praha, 1835. S. 20–42; 2) *O národech kmene litewského* // *Ibid. Č. 3.* Praha, 1835. S. 292–315; 3) *Přehled národních gmen w jazyku Slowanském* // *Časopis musea království českého. Roč. 9. Č. 4.* Praha, 1835. S. 367–398.

⁴⁵ *Šafařík P. J.* O zemi gmenované Bojky // *Časopis musea království českého. Roč. 11. Č. 1.* Praha, 1837. S. 30.

сти пребывания славян в этой области он не свел все к простому утверждению их автохтонности, которое он мог встретить в летописи Нестора. Словацкий автор защищал мнение о древнем расселении славян на Дунае, опираясь на данные «Повести временных лет». Считая Татры колыбелью славянского этноса⁴⁶, в «Славянских древностях» Шафарик указывает территорию изначального расселения славян накануне периода переселения народов, расположенную между Татрами, Балтийским морем, Понтом, Доном и Верхней Волгой⁴⁷.

Формулируя свою концепцию происхождения Руси, П. Й. Шафарик выступил как сторонник норманнской теории, к которой, впрочем, он проявлял и критическое отношение. Приход варягов к славянам он рассматривал как мирный, а не завоевательный процесс. Сведения Нестора о призвании варягов он считал достоверными и поэтому отождествлял варягов с русами, которые были призваны из областей Скандинавии⁴⁸.

В «Славянских древностях» Шафарик также высказал свою позицию по проблематике взаимоотношения славянских алфавитов. Соглашаясь с Й. Добровским и русским ученым А. Х. Востоковым, он присудил историческое первенство кириллице. В этом вопросе он оспаривал утверждение Нестора о возникновении славянской письменности в Великоморавской державе, будучи убежденным, что кириллица была создана для нужд греческих и болгарских славян. Ошибочность такого мнения была обусловлена тем, что сам Шафарик в этот период еще не обратился к первоисточникам, житиям Константина и Мефодия, имеющим решающее значение для рассмотрения возникновения славянской письменности⁴⁹. Впоследствии он подверг ревизии свои взгляды об источниках древнеславянской письменности⁵⁰.

П. Й. Шафарик брал сведения о языческих славянских богах⁵¹ из Ипатьевской и других летописей, используя их как источник и для своих лингвистических исследований⁵². В рамках собственной интерпретации истории призвания солунских братьев в Великую Моравию он упоминал и версию «Повести временных лет», в которой помимо Ростислава были упомянуты также Святополк и Коцел⁵³.

Историческая концепция П. Й. Шафарика об истории славян, как и о национальных движениях отдельных славянских народов, стала основой для последующих поколений славянской интеллигенции, прежде всего штуровцев, поскольку содержала идеи национальной самобытности и равноправия словаков в рамках большой семьи славянских народов.

Среди выдающихся словацких филологов первой половины XIX в. необходимо упомянуть Мартина Гатталу, чья деятельность была связана с Прагой. Его работы,

⁴⁶ Šafárik P. J. Slované starožitnosti. Zv. I. Praha, 1863. S. 37, 38, 51, 54, 60.

⁴⁷ Ibid. S. 177.

⁴⁸ Kudláček J. P. J. Šafárika jeho koncepcia pôvodu Slovanov. S. 57–81.

⁴⁹ Hollá A. Šafárikove názory na hlaholiku a cyriliku // Pavol Jozef Šafárik a slovenské národné obrodenie. Martin, 1989. S. 366.

⁵⁰ Šafařík P. J. Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů. Praha, 1851.

⁵¹ Šafařík P. J. O Swarohowi, bohu pohanských Slowanůw // Časopis musea království českého. Roč. 18. Č. 4. Praha, 1844. S. 483–489.

⁵² Šafařík P. J. Výklad některých gramatických forem w jazyku slowanském // Časopis musea království českého. Roč. 21. Č. 2. Praha, 1847. S. 127–170. — В этом анализе неоднократно цитируется «Повесть временных лет».

⁵³ Podolan P. Svätopluk v slovenskej historiografii 19. storočia // Svätopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy. Bratislava, 2013. S. 415.

основанные на колоссальном научном материале, принесли ряд новых и во многом полемических мнений и интерпретаций по целому ряду вопросов. В одной из своих работ он поднял вопрос о языковом родстве кириллицы (у него — старославянского языка) и древнерусского языка, указав целый ряд отличий между ними с точки зрения лингвистики, утверждая, что болгарский язык сохранил наибольшую схожесть с оригинальной версией старославянского языка, поскольку именно в Болгарии он получил свою письменность в виде кириллицы. Текст и язык «Повести временных лет» Гаттала приводил в качестве подтверждения своей гипотезы⁵⁴, считая древнерусские летописи одним из ключевых источников по истории языка XI–XII столетий и языковой компаративистике⁵⁵. Некоторые из его предположений значительно выходили за пределы лингвистики, являясь по существу междисциплинарными и демонстрируя поиск антропологических подходов к изучению языка. Так, в работе, изданной в 1869 г., можно увидеть, что интерес М. Гаттала к славянской лингвистике не ограничивался узким взглядом чисто национальной науки, но основывался на поиске новых методологических основ и на критической оценке научных сведений⁵⁶.

Поэт и писатель Ян Голлы в своем творчестве отталкивался от традиций словацкой историографии XVIII столетия (А. Бернолак, Ю. Фандли), не менее важное влияние на него оказали работы чешского слависта Йозефа Добровского и особенно Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика. Голлы был сторонником идеи славянской взаимности и особенно вдохновлялся историческим периодом Великой Моравии. В письме к Юраю Палковичу от 3 апреля 1833 г. Я. Голлы вступил в полемику касательно языковой стороны своего эпоса «Святоплук», опубликованного в начале 1833 г., в которой, поясняя, как следовало бы писать имя великоморавского князя (Svatopluk или Svatoplug), ссылаясь на «Повесть временных лет» и древнерусский эпос XII столетия «Слово о полку Игоревом»⁵⁷. Отсылка к «Повести временных лет» есть и в эпическом произведении Голлы 1835 г. под названием «Кирилло-Мефодиада», посвященном жизни и деяниям солунских братьев⁵⁸.

Ян Голлы, подобно П. Й. Шафарику и Я. Коллару, занимает особое место в словацкой историографии. Он влиял на историческое самосознание современного ему словацкого общества прежде всего как поэт. В его стихотворных произведениях словацкий «будительский» историзм достиг своей поэтической вершины, значительно повлияв на историческое и национальное самосознание штуровцев и многих последующих поколений. Историзм Яна Голлы оказал влияние на развитие

⁵⁴ Hattala M. O poměru cyrillčiny k nynějším nářečím slovanským // Časopis musea království českého. Roč. 29. Č. 1. Praha, 1855. S. 96–97.

⁵⁵ Hattala M.: 1) O ablativě ve slovančině a litvančině // Časopis musea království českého. Roč. 31. Č. 2. Praha, 1857. S. 227–250; Č. 4. S. 564–580; Roč. 32, 1858. Č. 3. S. 347–357; Č. 4. S. 519–533; 2) Úvaha o Th. Buslajevově pokuse historické gramatiky ruského jazyka // Časopis musea království českého. Praha, 1862. Roč. 36. Č. 1. S. 84–89; Č. 2. S. 133–160; Č. 3. S. 323–344; 3) Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruská // Časopis musea království českého. Roč. 38. Č. 3. Praha, 1864. S. 187–212, 227–249. — В последней из приведенных работ М. Гаттала подробно осветил вклад М. В. Ломоносова в изучение славянской лингвистики.

⁵⁶ Hattala M. O jazykozpytě a přírodopytě // Časopis musea království českého. Roč. 43. Č. 3. Praha, 1869. S. 211–242, 332–365.

⁵⁷ Ambruš J. Korešpondencia Jána Hollého. Martin, 1967. S. 85. — См.: письмо № 36.

⁵⁸ Hollí G. Wiswetění. K Básňam, zwášte Swatopluka a Cirillo-metodiadi // Basňe Gana Hollého we štiroch zwazkoch. Zv. 3. Budíňe, 1842. S. 152–153.

концепции истории Великой Моравии и в целом истории Словакии в словацкой историографии второй половины XIX в. и далее (Й. Заборски, Ф. Сасинек, Ю. Ботто и др.).

Научный авторитет А. Л. Шлецера в конце 1820-х гг. в двух своих полемических брошюрах защищал словацкий публицист Юрай Палкович. Первые словацкие периодические издания («Татранка», редактируемая Палковичем (1843–1845 гг.), штуровский «Орел Татранский» (1846 г.), «Новый и старый патриотический календарь» (1840 г.) или позднее «Словенске погляды») содержали на своих страницах многочисленные статьи о древней истории Руси, посредством которых словацкая публика могла познакомиться с источниковым материалом «Повести временных лет»⁵⁹.

Вторая половина 1840-х гг. проходила под знаком нарастающего словацкого национально-политического движения, в котором главная, ведущая роль принадлежала Людовиту Велиславу Штуру. Его взгляды на славянство формировались под влиянием идеи Я. Коллара о славянской взаимности. Главными заслугами Л. Штура стали новая кодификация словацкой письменности и решение органически связанной с ней проблемы единства и дифференцированности славянства. Концепция славянства Л. Штура преодолела метафизическую схему славянской нации с ее четырьмя племенами, предложенную Я. Колларом. Л. Штур сформулировал демократический принцип равного права всех славянских народов на национальную самобытность и развитие собственных представлений о славянском взаимном родстве и содружестве. Обосновывая древность славян и исторических корней славянской взаимности, Штур не раз приводил цитаты из «Повести временных лет». Например, в работе «Жалобы и сетования словаков...» он обращается к летописи, пытаясь теоретически обосновать отношения языка и нации. Приводя целый ряд исторических примеров, Штур дословно цитирует Нестора: «Многие финские народы, такие как меря и весь на Руси, исчезли, и мы бы не знали их имен, если бы о них не упомянул древний русский летописец Нестор в своей хронике...»⁶⁰ Штур ссылается на Нестора и в своих трудах по вопросу кодификации письменного словацкого языка⁶¹. В работе «Наречие словацкое, или Необходимость писания в этом наречии» («Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí») Штур объяснял теоретические и политические мотивы создания письменной нормы словацкого языка, цитируя Нестора в части своей работы, посвященной характеристике словацкого языка и его месту между славянскими языками. Территорию Словакии он здесь также обозначил как прародину славян: «Дунай и Татры являются самыми древними местами расселения славян в Европе. Так рассказывает наш древний Нестор, что словене и язык словенский сидели вначале на Дунае, такое же мнение сохранялось и в течении всех Средних веков... В древнейших селищах славян в Европе сохранило наше племя и свое древнее имя, называя язык свой словенским, слабый пол — словенками, как и у Нестора древние славяне называются»⁶². В своих тру-

⁵⁹ Jirásek J.: 1) Slováci a Rusko // Průdy. 1923. Roč. 7. Č. 7. S. 325–334; 2) Ruské vplyvy v slovenskej literature // Průdy. 1925. Roč. 9. Č. 3. S. 141–151; 3) Slovenské vedomosti o Rusku a vzájomné styky // Průdy. 1924. R. 8. Č. 1. S. 21–37.

⁶⁰ Štúr L. Žaloby a ponosy Slovákov. Martin, 1946. S. 9–10.

⁶¹ Tibenský J. Slovenské korene Šafárikovho slavizmu. S. 28.

⁶² Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí // Ludovít Štúr. Dielo. Bratislava, 1957. S. 92–96.

дах «Древнейшие происшествия на земле Угорской и ее основание» и «Славянство и мир будущего» Штур ссылается на Нестора в контексте объяснения этногенеза славян и словаков⁶³. Работа «Славянство и мир будущего» является политическим произведением, основывающимся на обширном философско-историческом материале, но вместе с тем и на богатом, хоть и несколько одностороннем, личном опыте автора, его знании экономической, социальной, политической и культурной истории славянских и неславянских народов, личных наблюдениях подавления революций и национально-освободительных движений 1848–1849 гг., а также после-революционной ситуации среди славян и в Европе в целом. Главной целью этого сочинения Штур ставил создание новой программы национально-освободительного движения славянских народов после подавления революции. Об источниковедческом анализе «Повести временных лет» он узнавал главным образом через произведения П. Й. Шафарика и русского историка М. Н. Карамзина.

Вероятно, наиболее совершенным словацким литературным произведением, вдохновленным летописью Нестора во время так называемого «матичного» периода, связанного с существованием национально-культурной организации «Матица Словенска» (1863–1875 гг.), стало пятиактное драматургическое произведение в стихах «Святославичи» историка Петра Келлнера-Гостинского, которое было издано в литературном альманахе «Миневра» в Пеште в 1869 г. В основе сюжета лежала братоубийственная борьба трех сыновей русского князя Святослава — братьев Олега (князя древлян), Ярополка (киевского князя) и Владимира новгородского⁶⁴. Помимо упомянутых Яна Голлого и Петра Келлнера-Гостинского образ Нестора и его летописи нашел отражение и в ряде других литературных произведений XIX столетия. Например, Мартин Меднянский, словацкий священник, этнограф, поэт и публицист, в 1880 г. написал объемное (в 1430 строф) стихотворное произведение «Любица», образ которой символизировал передаваемый в устном народном творчестве женский идеал мифических Татр, представленных автором колыбелью всего славянства⁶⁵. Саму поэму предварял эпиграф, содержащий цитату из летописи Нестора⁶⁶. Словацкий поэт Янко Краль в своем творчестве часто использовал исторические мотивы, будучи вдохновлен многими источниками, которые он, владея семью языками, мог читать в оригинале. В его литературном наследии сохранилось множество выписок и переводов из Нестора и из Псковской летописи, которые содержали фрагменты о святом Андрее, Святополке, Борисе и Глебе, полянах и варягах, о Дунае и Висле, на которых сидели славяне и т. п.⁶⁷

Во время польского восстания в Российской империи 1863–1864 гг. отношение словацкой интеллигенции к идее славянской взаимности, ее характеру и содер-

⁶³ Štúr L. Najstaršie príhodi na zemi Uhorskej a jej základy // Orol Tatranski. 1845. Roč. 1. Č. 1–5. S. 4. — См. также: Štúr L. Das Slawenthum und die welt der zukunft // Slovanstvo a svět budoucnosti. Bratislava, 1931. S. 20.

⁶⁴ Jirásek J. Ruské vplyvy v slovenskej literature. S. 147.

⁶⁵ Поэма была впервые опубликована в 1994 г., когда рукопись, найденную в Литературном архиве Матицы Словацкой издал Михал Коцак. См.: Kocák M. Medňanského Ľubica // Literárny archív. T. 27. Martin, 1994. S. 83–127.

⁶⁶ «Славяне сели по Дунаю, где теперь земля / Венгерская. От тех Славян разошлись по /земле многие народы и назвались каждый своим/ именем и прочая» (Нестор). См.: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 5.

⁶⁷ Janko Král: Vpisky iz Nestora a iz Pskovskoj Ljetopisi // LAMS v Martine. Fond 9. B 21.

жанию стало все более заметно различаться⁶⁸. Самым заметным представителем оппозиции, выступавшей против консервативного большинства, был Ян Паларик, который рассматривал славянскую взаимность как составную часть стремления к конституированию нации и ее экономическому возвышению, к большей национальной самостоятельности, самоуправлению и свободе⁶⁹. Свои взгляды помимо многочисленных научных статей он представил и в драме «Димитрий Самозванец», в которой осветил известный этап русской истории в ракурсе критического отношения к России, ее политической системе, но не к русским людям. Раскрывая личность Лжедмитрия как защитника свободы, справедливости и инициатора соглашения между русскими и поляками, Паларик пытался выразить свою собственную концепцию панславизма. Это произведение было написано в 1863–1864 гг. в Майцихове при Трнаве, где он служил священником. При написании драмы автор пользовался литературой из богатой библиотеки графини Елены Эстергази, которая имела русское происхождение (урожденная княгиня Е. Н. Безобразова) и собирала в своем имении в Майцихове богатую коллекцию книг русских авторов, включая Н. М. Карамзина и других историков, через которых он ознакомился и с «Повестью временных лет»⁷⁰.

Ян Паларик, как редактор первого словацкого католического журнала — еженедельника «Кирилл и Мефодий» («Cyrill a Method»), издаваемого в Банске-Штьявнице в 1850–1851 гг., не раз цитировал Нестора и его летопись⁷¹. Например, в статье «Обращение словаков во веру Христову» Паларик отметил: «Славянский летописец Нестор пишет, как возрадовались славяне, когда на своем языке услышали о великих деяниях Спасителя, и побежденные внутренней силой Святого Евангелия, были рады подчиниться его учению»⁷². Описывая сюжет крещения Нитранского княжества, он привел целый пассаж из «Повести временных лет»⁷³.

Руководители «Матицы Словацкой» стремились объединить отдельные подходы обоих политических направлений, старой и новой школ. В ситуации нарастающего национального угнетения и преследования словацких интеллектуалов «Матица Словацкая» занимала более осторожную позицию в отношении к идее славянской взаимности и следила за тем, чтобы ее деятели не выходили за пределы сферы культуры и не вызвали подозрение венгерских властей в «панславизме».

⁶⁸ После австро-венгерского соглашения 1867 г. словацкая интеллектуальная среда весьма четко разделилась на две идейные платформы (так называемые Старая и Новая школы), которые различно понимали идею славянской взаимности. В то время как Новая школа, ведомая Яном Палариком, рассматривала все славянские народы как равноправные, не делая исключения и для России, Старая школа, представленная Яном Францисци, Штефаном Марком Дакснером, Йозефом Милославом Гурбаном, а позднее его сыном Светозаром Гурбаном-Ваянским, ставила на первое место Российскую империю, от которой ожидала помощи для малых подчиненных славянских народов. См.: *Daniš M. Slovenská politická reprezentácia a jej diferencovaný postuj k Rusku na konci 19. a na začiatku 20. storočia // Migrácia obyvateľov východnej Európy na územie Slovenska a Čiech. Prešov, 2009. S. 60.*

⁶⁹ *Popovič A. K problematike slovanskej idey na Slovensku v maticnom období (1863–1875) // Slovanské štúdie. Kapitoly z dejín medzislovanských vzťahov. T. 3. Bratislava, 1960. S. 170.*

⁷⁰ *Vavrovič J. Ján Palárik. Jeho ekumenizmus a panslavizmus. Martin, 1993. S. 114.*

⁷¹ Ян Паларик был редактором данного журнала в период с марта 1850 г. по июнь 1851 г. Журнал был нацелен на распространение идей славянского содружества и укрепления идеи воспитания словацкой нации в духе христианства и христианского единства. См.: *Vavrovič J. Ján Palárik. S. 27–29.*

⁷² *Cyrill a Method (Banská Štiavnica). Č. 1, 14. marec 1850. S. 3–4.*

⁷³ *Ibid. Č. 7. júl 1850. S. 58–59.*

В этот период сведения о славянстве и славянской взаимности распространялись преимущественно посредством исторических статей Франтишека Виктора Сасинька и Йонаша Заборского, которые также во многом опирались на сведения из «Повести временных лет».

Йонаш Заборский в своей истории Венгерского королевства среди большого количества источников также опирался на Нестора, из летописи которого почерпнул указание на то, что государство получило свою характеристику как угорское от мадьяр-угров. Следуя Нестору, он приписывал самим мадьярам этноним «черные угры», в то время как в отношении белых угров Заборский предполагал ошибочное смешение двух разных названий народов в древнерусских источниках⁷⁴. В отличие от Франтишека Сасинька и Йозефа Гложник-Гложанского историк не соглашался с идеей, что белыми уграми могли являться хорваты или словаки⁷⁵.

В конце XIX в. среди значительных представителей словацкой исторической науки, которые проявили глубокий исторический интерес к древнерусскому летописанию, нужно отметить имена Йозефа Шкултеты и Франтишека Сасинька⁷⁶. Шкултета рассматривает летопись Нестора в своей публикации «Палацкий и словаки», в которой критически оценивает спорные идеи чешского историка Палацкого, касающиеся истории Словакии. Так, он оспаривает неправильное употребление имени нитранского и великоморавского князя Рагислава (Рагислава) как Ростислав, опираясь на большой массив источников славянского и немецкого происхождения, включая и «Повесть временных лет»⁷⁷. В комментарии о Несторе Шкултета отметил, что тот жил во второй половине XI — начале XII в., был монахом Печерского монастыря в Киеве, и на основании записей других монахов составил, переработал и дополнил древнерусскую летопись (в начале XII в.)⁷⁸.

Для ранней словацкой историографии периода ее формирования и национально-возрожденческих устремлений в XIX в. «Повесть временных лет» стала значимым источником научных аргументов в конфронтации с венгерской исторической наукой. Опираясь на русскую летопись, словаки пытались обосновать свою принадлежность к большой семье славянских народов в рамках развития европейских государств и права — процесса, охватившего, начиная с эпохи Просвещения, все европейские нации.

В первой половине XX в. словацкая историография начинает рассматривать «Повесть временных лет» и древнерусское летописание не только в контексте осмысления истории Словакии, но и как исследовательскую проблему, требующую анализа самого исторического источника (вопросы авторства, датирования, критический анализ отдельных частей летописи, источников, на основании которых летопись была составлена, взгляды самих летописцев). В этом аспекте свой значимый вклад в развитие словацкой исторической науки внесли двое русских уче-

⁷⁴ Záborský J. Dejiny kráľovstva uhorského. Bratislava, 2012. S. 57–60.

⁷⁵ Podolan P. Svätopluk v slovenskej historiografii 19. storočia. S. 517.

⁷⁶ Sasínek F. V. Slováci a Erbenův překlad Nestora «Letopisu ruského» // Slovanský svět. 1872. D. 1. S. 135–137; 2) Slovanské dejepisné zriedla II. Nestor ruský dejepisec // Letopis Matice Slovenskej. 1872. T. IX. Zv. 2. S. 45–50.

⁷⁷ Škultéty J. Palacký a Slováci // Slovenské pohľady. 1926. Roč. 41. Č. 6. S. 432–442. — См. также: Škultéty J. História. Martin, 1989. S. 454.

⁷⁸ Škultéty J. História. S. 491.

ных эмигрантов, лингвист В. А. Погорелов и историк Е. Ю. Перфецкий. Их научное творчество подробно рассмотрено в исследовании М. Даниша⁷⁹.

Послевоенная и современная словацкая наука, особенно история и лингвистика, обращается к проблематике древнерусского летописания и «Повести временных лет» преимущественно в контексте изучения древнеславянской и словацкой истории и литературы. Только количество имен исследователей, так или иначе затрагивавших в своих трудах летопись Нестора, достигает нескольких десятков, рассмотрение каждого из которых означало бы превращение данной статьи в работу монографического характера. В любом случае практически никто из словацких историков, занимающихся средневековым периодом в Словакии и Венгрии, не обошел стороной «Повесть временных лет», видя в ней важный источник информации для изучения вопросов славянского этногенеза, аварско-славянского сосуществования в эпоху Аварского каганата, принятия христианства мораванами, прихода венгров в Карпато-Дунайскую область, а также русско-венгерских династических отношений в период Древней Руси. Анализу указанных этапов словацкой историографии по данному вопросу будет посвящено наше отдельное исследование⁸⁰.

References

- Aleškovskii M. Ch. *Povesti vremennykh let: Sud'ba literaturnogo proizvedeniia v Drevnei Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 236 p. (In Russian)
- Ambruš J. *Korešpondencia Jána Hollého*. Martin, Matica Slovenská Publ., 1967, 424 p.
- Arneht A. *Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland*. Wien, Braumüller Publ., 1869, 393 p.
- Avenárius A. *Začiatky Slovanov na strednom Dunaji: autochtonistická teória vo svetle súčasného bádania*. *Historický časopis*, 1992, vol. 40, no. 1, pp. 1–17.
- Daniš M. *Nauchnaia i pedagogicheskaia deiatel'nost' professora Perfeckogo v Slovaki*. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 961–982. (In Russian)
- Daniš M. *Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy*. *N. O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoj slovenskej vedy*. Bratislava, Stimul Publ., 2015, pp. 20–28.
- Daniš M. *Nestorov letopis a jeho miesto v slovenskej historiografii*. *Slovensko a Rusko v zlomových okamihoch dejín: ľudia, idey, udalosti*. Bratislava, Stimul Publ., 2020, pp. 10–30.
- Daniš M. *Slovenská politická reprezentácia a jej diferencovaný postoj k Rusku na konci 19. a na začiatku 20. storočia*. *Migrácia obyvateľov východnej Európy na územie Slovenska a Čiech*. Prešov, FFPU Publ., 2009, pp. 60–73.
- Danish M. *Iz istorii slovatsko-rossiiskikh sviazei v 18 veke*. *Zapad-Vostok*, vol. 10. Joshkar-Ola, Mariiskii gosudarstvennyi universitet Press, 2017, pp. 20–47. (In Russian)
- Franková L. *K slovenským národoobranným snahám v prvej polovici 19. storočia*. *Dejiny*, 2012, vol. 1, pp. 140–154. Available at: http://dejiny.unipo.sk/Dejiny_1_2012.pdf (accessed: 10.12.2023).
- Hattala M. *O ablativě veslovančině a litvančině*. *Časopis musea království českého*, vol. 31, no. 2. Praha, Museum království českého Publ., 1857, pp. 227–250.
- Hattala M. *O ablativě veslovančině a litvančině*. *Časopis musea království českého*, vol. 31, no. 4. Praha, Museum království českého Publ., 1857, pp. 564–580.

⁷⁹ Daniš M. *Evgenij Julianovič Perfeckij a jeho podiel na rozvoji slovenskej historickej vedy // N. O. Losskij a podiel ruskej inteligencie v emigrácii na rozvoj slovenskej vedy*. Bratislava, 2015. S. 20–28; *Даниш М.* Научная и педагогическая деятельность профессора Перфецкого в Словакии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022. Т. 67, вып. 3. С. 961–982.

⁸⁰ Некоторые аспекты были уже рассмотрены нами в публикации: *Даниш М.* *Nestorov letopis a jeho miesto v slovenskej historiografii // Slovensko a Rusko v zlomových okamihoch dejín: ľudia, idey, udalosti*. Bratislava, 2020. S. 10–30.

- Hattala M. O ablativě veslovancině a litvančině. *Časopis musea království českého*, vol. 32, no. 3. Praha, Museum království českého Publ., 1858, pp. 347–357.
- Hattala M. O ablativě veslovancině a litvančině. *Časopis musea království českého*, vol. 32, no. 4. Praha, Museum království českého Publ., 1858, pp. 519–533.
- Hattala M. O jazykozpytě a přirodozpytě. *Časopis musea království českého*, vol. 43, no. 3. Praha, Museum království českého Publ., 1869, pp. 211–242, 332–365.
- Hattala M. O poměru cyrilliciny k nynějším nářečím slovanským. *Časopis musea království českého*, vol. 29, no. 1. Praha, Museumkrálovství českého Publ., 1855, pp. 81–104.
- Hattala M. Úvaha o Th. Buslajeově pokuse historické gramatiky ruského jazyka. *Časopis musea království českého*, vol. 36, no. 1. Praha, Museum království českého Publ., 1862, pp. 84–89.
- Hattala M. Úvaha o Th. Buslajeově pokuse historické gramatiky ruského jazyka. *Časopis musea království českého*, vol. 36, no. 2. Praha, Museum království českého Publ., 1862, pp. 133–160.
- Hattala M. Úvaha o Th. Buslajeově pokuse historické gramatiky ruského jazyka. *Časopis musea království českého*, vol. 36, no. 3. Praha, Museum království českého Publ., 1862, pp. 323–344.
- Hattala M. Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruská. *Časopis musea království českého*, vol. 38, no. 3. Praha, Museum království českého Publ., 1864, pp. 187–212, 227–249.
- Hodinka A. *Az orosz évkonyvek magyar vonatkozásai*. Budapest, Akadémia Publ., 1916, 510 p.
- Hollá A. Šafárikove názory na hlaholiku a cyriliku. *Pavol Jozef Šafárik a slovenské národné obrozenie*. Martin, Matica Slovenská Publ., 1989, pp. 364–374.
- Hollí G. Wiswetlení. K Básňam, zwášte Swatopluka a Cirillo-metodiadi. *Basňe Gana Hollého we štiroch zwazkoch*, zv. 3. Budín, Král. Uher. Univer. Tiskárnia Publ., 1842, pp. 129–168.
- Jirásek J. Slováci a Rusko. *Průdy*, 1923, vol. 7, no. 7, pp. 325–334.
- Jirásek J. Ruské vplyvy v slovenskej literature. *Průdy*, 1925, vol. 9, no. 3, pp. 141–151.
- Jirásek J. Slovenské vedomosti o Rusku a vzájomné styky. *Průdy*, 1924, vol. 8, no. 1, pp. 21–37.
- Kocák M. Medňanského Lubica. *Literárny archív*. Martin, Matica Slovenská Publ., 1994, vol. 27, pp. 83–127.
- Kollár J. Dodatky k Rozpravám o gmenách a starožitnostech národu slawského. *Časopis musea království českého*, vol. 4, no. 4. V Praze, Museum království českého Publ., 1834, pp. 463–469.
- Kudláček J.P.J. Šafárik a jeho koncepcia pôvodu Slovanov. *Historický časopis*, vol. 5, no. 1, Bratislava, SAV Publ., 1957, pp. 57–81.
- Kulyabko E. S. K istorii slovaccko-russkich nauchnich sviazei v XVIII veke. *Russkaia literatura XVIII veka i slavianskie literatury*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1963, pp. 168–171. (In Russian)
- Lapteva D. P. P. J. Schafarik v russkoi dorevolucionnoi literature. *Sborník národního musea v Praze*, vol. 12, no. 5. Řada C. Literární historie, 1967, pp. 253–337. (In Russian)
- Leger L. *Chronique dite de Nestor*. Paris, Ernest Leroux Publ., 1884, 426 p.
- Lichachev D. S. *Russkie letopisi i ikh kulturno-istoricheskoe znachenie*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the SSSR Press, 1947, 499 p. (In Russian)
- Lichachev D. S., Tvorogov O. V. *Povesť vremennykh let. Peregod, komentarii*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2012, 512 p. (In Russian)
- Miklosich F. *Chronica Nestoris*. Vindobona, Braumüller Publ., 1860, 223 p.
- Nikitin A. L. *Inok Ilarion i nachalo russkogo letopisaniia: Issledovaniie i teksty*. Moscow, Agraf Publ., 2003, 313 p. (In Russian)
- Pillingová M. Svätoplukovská tradícia u Slovákov v druhej polovici 18. storočia. *Svätopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy*. Bratislava, Post Scriptum Publ., 2013, pp. 390–406.
- Podolan P. Svätopluk v slovenskej historiografii 19. storočia. *Svätopluk v európskom písomníctve. Štúdie z dejín svätoplukovskej legendy*. Bratislava, Post Scriptum Publ., 2013, pp. 407–420.
- Popovič A. K problematike slovenskej idey na Slovensku v matičnom období (1863–1875). *Slovenské štúdie. Kapitoly z dejín medzislovanských vzťahov*, vol. 3. Bratislava, SAV Publ., 1960, pp. 165–199.
- Pray G. *Dissertationes historico criticae in annales veteres Hunnorum et Hungarorum*. Vindobonae, Kaliwoda Publ., 1774, 243 p.
- Pray G. *Taurica juri Russico a Catarina II. autocratie belo et pace asserta poemation*. Pestini, Weingard Publ., 1787, 28 p.
- Ratkoš P. *Pramene k dejinám Velkej Moravy*. Bratislava, SAV Publ., 1968, 525 p.

- Šafařík P. J. O Swarohowi, bohu pohanských Slowanův. *Časopis musea království českého*, vol. 18, no. 4. Praha, Museum království českého Publ., 1844, pp. 483–489.
- Šafařík P. J. O zemi gmenované Bojky. *Časopis musea království českého*, vol. 11, no. 1. Praha, Museum království českého Publ., 1837, pp. 28–37.
- Šafařík P. J. *Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů*. Praha, Tiskárna synův Bohumila Haase Publ., 1851, 32 p.
- Šafařík P. J. *Slovanské starožitnosti*, vol. 3, zv. I. Praha, BedřichTěmský Publ., 1863, 767 p.
- Šafařík P. J. Výklad některých gramatických forem w jazyku slowanském. *Časopis musea království českého*, vol. 21, no. 2. Praha, Museumkrálovství českého Publ., 1847, pp. 127–170.
- Šafařík P. J. Myšlenky o starobylosti Slowanů v Ewropě. *Časopis musea království českého*, vol. 8, no. 1. Praha, Museum království českého Publ., 1834, pp. 23–57.
- Šafařík P. J. O národech kmene litewského. *Časopis musea království českého*, vol. 9, no. 3. Praha, Museum království českého Publ., 1835, pp. 292–315.
- Šafařík P. J. O národech kmene skythického. *Časopis musea království českého*, vol. 9, no. 1. Praha, Museum království českého Publ., 1835, pp. 20–42.
- Šafařík P. J. Přehled národních gmen w jazyku Slowanském. *Časopis musea království českého*, vol. 9, no. 4. Praha, Museum království českého Publ., 1835, pp. 367–398.
- Sasinek F. V. Slováci a Erbenův překlad Nestora „Letopisu ruského“. *Slovanský svět*, 1872, vol. 1, pp. 135–137.
- Sasinek F. V. Slovácké dejepisné žriedla II. Nestor ruský dejepisec. *Letopis Matice Slovenskej*, 1872, vol. IX, no. 2, pp. 45–50.
- Shakhmatov A. A. “Povesť vremennykh let” i ee istochniki. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1940, vol. 4, pp. 9–150. (In Russian)
- Škultéty J. *História*. Martin, Matica slovenská Publ., 1989, 527 p.
- Škultéty J. Palacký a Slováci. *Slovenské pohľady*, 1926, vol. 41, no. 6, pp. 432–442.
- Štúr L. *Das Slawenthum und die welt der zukunfft. Slovanstvo a svět budoucnosti*. Bratislava, Učená spoločnosť Šafaříkova Publ., 1931, 246 p.
- Štúr L. Najstaršie príhodi na zemi Uhorskej a jej základi. *Orol Tatranski*, 1845, vol. 1, no. 1–5, p. 4.
- Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. *Ludovít Štúr. Dielo*. Bratislava, SVKL Publ., 1957, 493 p.
- Štúr L. Žaloby a ponosy Slovákov. Martin, Matica Slovenská Publ., 1946, 46 p.
- Těra M. *Vyprávění o minulých letech aneb Nestorův letopis ruský. Nejstarší staroruská kronika*. Červený Kostelec, Pavel Mervart Publ., 2015, 280 p.
- Tibenský J. Funkcia cyrilometodskej a veľkomoravskej tradície v ideológii slovenskej národnosti. *Historický časopis*, 1992, vol. 40, no. 5, pp. 579–594.
- Tibenský J. Ideológia slovenskej feudálnej národnosti pred národným obrozením. *Slováci a ich národný vývoj*. Bratislava, SAV Publ., 1966, pp. 92–114.
- Tibenský J. *Ján Papánek — Juraj Sklenár. Obráncovia slovenskej národnosti v XVIII. storočí*. Martin, Osveta Publ., 1958, 156 p.
- Tibenský J. Slovenská historiografia v období počiatkov slovenského národného obrozenia (1780–1830). *Historický časopis*, 1980, vol. 28, no. 4, pp. 531–553.
- Tibenský J., Bokesová-Uherová M. *Priekopníci slovenskej kultúry*. Bratislava, SPN Publ., 1975, 314 p.
- Tibenský J. Charakteristika kvantitatívneho a kvalitatívneho rastu pramennej bázy v dielach reprezentantov barokového slavizmu na Slovensku. *Aktuálne problémy dejín slavistiky*. Bratislava, SAV Publ., 1986, pp. 180–186.
- Tibenský J. Slovenské korene Šafaříkovho slavizmu. *Pavol Jozef Šafařík a Slovenské národné obrozenie*. Martin, Matica Slovenská Publ., 1989, pp. 24–47.
- Tibenský J. Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburskej ríši a na Slovensku v 18. storočí. *Maximilián Hell 1720–1792. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella*. Bratislava, Svěpomoc Publ., 1970, pp. 6–17.
- Tolochko P. P. *Russkije letopisi i letopistsy IX–XIII vv.* St. Petersburg, Aleteia Publ., 2003, 296 p. (In Russian)
- Vávra J. Dopisy Matěja Bela petrohradským akademikům II. *Historické štúdie*, vol. XII. Bratislava, SAV Publ., 1967, pp. 211–224.

- Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I. *Historické štúdie*, vol. VIII. Bratislava, SAV Publ., 1963, pp. 199–240.
- Vavrovič J. *Ján Palárik. Jeho ekumenizmus a panslavizmus*. Martin, Matica slovenská Publ., 1993, 336 p.
- Verešová N. Povešť vremenných let a jej koncepcia Slovienskoj zemli. *Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. Historia nova*, 2011, vol. II, no. 1. Bratislava, Stimul Publ., pp. 12–20. Available at: http://www.fphil.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/ksd/HinoII-2011-1.pdf (accessed: 10.12.2023).
- Záborský J. *Dejiny kráľovstva uhorského*. Bratislava, Slovart Publ., 2012. 736 p.

Статья поступила в редакцию 19 октября 2023 г.

Рекомендована к печати 10 апреля 2024 г.

Received: October 19, 2023

Accepted: April 10, 2024